

МАРИЯ КОРЕЛЛИ

Убийство Делиции

Магистраль. Главный тренд

Мария Корелли
Убийство Делиции

«ЭКСМО»

1896

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Корелли М.

Убийство Делиции / М. Корелли — «Эксмо»,
1896 — (Магистраль. Главный тренд)

ISBN 978-5-04-254661-7

Впервые переведено на русский язык! От автора «Скорби сатаны». Делиция Воан — знаменитая писательница, чьи книги покоряют тысячи читателей. Молодая, красивая и талантливая, она уверена, что обрела идеальное счастье в браке с лордом Карлионом — ослепительно прекрасным мужчиной, которого привыкли сравнивать с античными богами. Но за безупречной внешностью скрываются эгоизм, праздность и душевная пустота: лорд Карлион живёт на деньги жены и не считает нужным хранить ей верность. Когда Делиция узнаёт об измене мужа с танцовщицей Ля Мариной, её мир рушится. Она не устраивает сцен и не выносит семейную драму на публику — лишь с ещё большей самоотдачей погружается в работу. Однако предательство день за днём разрушает её тело и душу. Кто убил Делицию — внезапная болезнь, бессердечие мужа или общество, которое требует от женщины молчаливого терпения? Это роман о любви, браке и незримом насилии, способном уничтожить человека задолго до его физической смерти.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-254661-7

© Корелли М., 1896

© Эксмо, 1896

Содержание

Вступительное слово	6
Глава 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Мария Корелли

Убийство Делиции

Maria Corelli
THE MURDER OF DELICIA
1896

© Парахневич Е., перевод на русский язык, 2027
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2027

* * *

Вступительное слово

Я прекрасно понимаю, что этот краткий и безыскусный очерк про самую обыкновенную житейскую трагедию вызовет решительное неодобрение со стороны так называемого сильного пола. Мне с негодующим пафосом заявят, что образ лорда Карлиона целиком и полностью рожден моей фантазией и такого «подлеца», каким он здесь представлен, в действительности существовать не могло. Предвидя подобные обвинения, заранее отвечу: оба главных героя моей повести – и лорд Карлион, и его супруга – взяты непосредственно из жизни; поскольку их реальные прототипы уже много лет как покинули мир земных недоразумений и страстей, мое описание не способно причинить им ни боли, ни обиды. Однако Делиция и впрямь погибла от руки своего супруга именно так, как здесь представлено.

Подобные «убийства» совершаются вокруг нас тысячами, однако закон не считает их преступлением. Сколько женщин без устали трудятся и днем и ночью, дабы содержать бесполезных и недалеких мужей; женщин, чья любовь не знает сомнений, чье терпение неисчерпаемо, а нежность нередко вознаграждается лишь грубым равнодушием и презрением.

Я не имею в виду бесчисленные примеры из жизни трудящихся масс, которых принято называть «низшими классами», где жена, надрываясь с раннего утра до позднего вечера, вынуждена смотреть, как «лучшая половина» пропивает весь ее заработок в кабаке, тогда как дома нет ни крошки хлеба, а дети плачут от голода. Подобные сцены настолько привычны, что давно перестали вызывать у нас не только сочувствие, но даже интерес.

Я говорю прежде всего о высшем обществе, где ленивый аристократический бездельник сперва обрastaет долгами, а потом ищет состоятельную женщину, способную их покрыть, – женщину, на доходы которой он сможет жить в роскоши до конца своей никчемной жизни. Скажем прямо: большинство мужчин нашего времени нисколько не возражает против того, чтобы сидеть на шее у женщин. Да, в этом нет ни мужества, ни благородства, но поскольку люди такого склада не обладают отвагой или разумом и не способны самостоятельно найти свое место в жизни, то вполне естественно, что, видя беспощадную конкуренцию в любой отрасли современного труда, они предпочитают трусливо прятаться за женскими юбками.

Особенно мне хочется обратить внимание вдумчивых читателей на одно обстоятельство. Именно такие мужчины, достигнув своей намеченной цели, то есть заполучив богатую супругу, на чьи средства можно безбедно существовать, первыми начинают поносить женский труд, женские права, женские успехи и женскую честь. Мужчина, который имеет возможность садиться за накрытый стол лишь благодаря неустанному труду своей супруги, чаще других рассуждает о «бесполезности» женщин, их пустоте, легкомыслии и общей ограниченности.

А если женщина обладает выдающимся умом и ее труд приносит деньги, позволяющие мужу жить так, как ему вздумается, в окружении всяческих удобств и роскоши, то он – в клубе или в любом другом месте, где можно напустить на себя вид независимого господина, – начинает с напыщенной досадой сетовать на то, что существуют дамы, которые «желают стать умными» и тем самым начисто «теряют женственность»¹.

Именно эти слова о «потере женственности» неизменно швыряют в лицо талантливым особам всякие писаки, которым удалось выпросить себе в газете уголок, чтобы бросаться оттуда камнями. Если женщина написала выдающуюся картину – значит, она «потеряла женственность»; сочинила великую книгу – тем более. И вообще всякая женщина, осмелившаяся

¹ Отсылка к словам леди Макбет из одноименной трагедии Шекспира (I, 5): Слетайтесь, вы, смертельных мыслей духи, измените мой женский пол и от главы до пят меня жестокой злобой напоите. (пер. С. Соловьева.) В викторианской критике это выражение использовалось как уничижительный ярлык для женщин, выходящих за рамки предписанной гендерной роли, – писательниц, ученых и т. д. (Здесь и далее – прим. переводчика.)

на любой честолюбивый поступок вместо того, чтобы покорно лечь к ногам мужчины и позволить ему попирать себя, в мужском представлении перестает быть достойной уважения, и на нее с равнодушной, подлой и не достойной мужчины жестокостью вешают клеймо «утраченной женственности».

А теперь посмотрим на другую сторону медали. Какие занятия мужчина снисходительно позволяет женщине, не награждая ее этим позорным эпитетом? В первую очередь он согласен видеть ее на сцене. В особенности на сцене мюзик-холла, которая, по его мнению, в наибольшей мере подходит для ее «скромных» дарований. Его не радует, когда женщина достигает высот Рашель или Сары Бернар². Пафос трагедии оставляет его равнодушным, а изображение душевных мук вызывает лишь смутное чувство жалости или удивления, но отнюдь не восторга. Комедийная актриса ему тоже не по нраву: ее кокетство и звонкий смех, конечно, привлекательны, но раздутое самолюбие, свойственное даже самому захудалому светскому болвану, рождает у него подозрение, будто под маской сценической игры женщина втайне смеется над ним и над всем мужским родом.

Нет! Ни высоты трагедии, ни изящество комедии на сцене не доставят мужчине такого удовольствия, как нечто среднее – своего рода «ничейная земля» искусства, где от женщины требуется только тело и улыбка. Красивое тело, приученное изящно двигаться и радовать глаз, и приветливая улыбка, распускающаяся при виде бокала шампанского и иных прелестей жизни, – вот все, что необходимо нашим доблестным мужчинам.

Если это тело каждый вечер почти донага раздевается на сцене, женщину никогда не назовут «утратившей женственность». О ней этого не скажут, даже если она злоупотребляет вином или бренди. Но стоит другой женщине, столь же прекрасной телом, предпочесть скромность и посвятить себя созданию великих произведений искусства – не хуже мужских! – как ее тотчас объявляют «изменившей своей женской натуре».

И я спрашиваю себя: почему мужчина предпочитает унижать женщин, а не возвышать их и не славить? Это ложный и очень опасный путь. Он принесет немало бед будущим поколениям.

Когда я пишу эти строки, то невольно вспоминаю одного человека, который нынче живет в одном из самых модных кварталов Лондона, – мужчину, пользующегося немалым уважением в состоятельных и титулованных кругах. Несколько лет назад он женился на очаровательной американке – исключительно ради денег – и с тех пор превратил ее жизнь в сущее мучение. Она любит его – увы! – и, хотя он позволяет себе грубо оскорблять ее при посторонних, упрекает даже при слугах и гостях за обедом, ведет себя как жестокий тиран, она покорно терпит. Почему? Ради детей.

По ее глубокому женскому убеждению, дети должны уважать отца, поэтому она забывает свои обиды и старается сохранять в доме мир и порядок. Именно ее деньгами оплачены роскошные обеды и приемы, которыми ее муж каждый лондонский сезон хвастается перед знакомыми. Саму же ее он постоянно оттесняет на задний план, с готовностью увиваясь вокруг очередной модной полусветской красавицы, напрочь забывая о том, что занял то положение в обществе, которым теперь так гордится, лишь благодаря щедрости своей жены.

И подобных примеров бесчисленное множество. Сколько мужчин, обязанных женщинам своим положением и успехами, потом оборачиваются против своих «добрых ангелов» и истязают их всеми возможными способами, не наказуемыми законом? Женщина же по рукам и ногам связана любовью – самой сильной и благородной частью своей натуры. Однажды отдав мужчине сердце, она уже не в силах вырвать из груди эти чувства и признать, что она потратила

² Рашель (Элиза Рашель Феликс, 1821–1858) – выдающаяся французская актриса, самая знаменитая исполнительница трагических ролей середины XIX века. Сара Бернар (1844–1923) – великая французская актриса, к 1890 годам ставшая одной из первых по-настоящему всемирно известных театральных звезд.

их впустую. Таковы были беда и неизлечимая рана Делиции. Такая же беда и неизлечимая рана стали участью тысяч других женщин.

Пожалуй, нет особой нужды подробно обсуждать еще одно постыдное и унижительное проявление современной «мужской природы», которое часто встречается в нашем обществе. Я имею в виду жалкое положение некоторых «благородных» господ. Поставив себя в противостественную, ненадежную зависимость от денег жены, они позволяют ей беззастенчиво играть своей честью и добрым именем, предпочитая не замечать откровенных измен, делающих их посмешищем и предметом презрения для всякого уважающего себя человека.

Обществу пошло бы на пользу, если эти «лакеи голубых кровей» наконец поняли бы, что мужское достоинство дороже любых денег, и по собственной воле отправились бы на тяжелую работу – на золотые прииски, например, или еще куда-нибудь, – чтобы честно зарабатывать на жизнь, вместо того чтобы проводить дни в праздности, молча наблюдая за вольным, бесстыдным поведением своих жен.

Я намеренно выбрала историю Делиции из множества ей подобных как типичный пример той участи, какая нередко выпадает женщинам, сумевшим собственным умом и силами добиться славы и богатства. Мужчины, считающие себя «сильным» полом, допускают в своих суждениях об «умных женщинах» три ошибки: первую – в оценке женского сердца, вторую – касательно их стойкости в труде и третью – в отношении внешней красоты. Если женщина проявляет себя в литературе или искусстве, мужчины тотчас же решают, что она неспособна испытывать нежные чувства, ее успехи недолговечны и что она безобразна собою.

Что касается нежности, то женщина, которая мыслит, много читает и внимательно изучила человеческую жизнь во всех ее удивительных и порой печальных проявлениях, гораздо глубже понимает редкость и ценность истинной любви, чем та, которая никогда ни о чем не размышляла и ничему не училась. Женщина-мыслительница как никто другой сознает, сколь необходимо быть доброй, терпеливой и снисходительной к ближним, ибо в любой миг смерть может разорвать самые тесные узы и положить конец счастливым мечтам. И потому в ее любви – если она действительно любит – гораздо больше силы, правды и страсти, чем в поверхностном чувстве женщины, живущей лишь ради светских развлечений и порхающей от удовольствия к удовольствию, подобно мотыльку-однодневке.

В вопросе постоянства труда женщина тоже ничуть не уступает мужчине, потому что стойкость в стремлениях зависит прежде всего от характера. Мужская слава может быть столь же хрупка и мимолетна, как и у слабой женщины, если сам мужчина по природе своей непостоянен. Но если поставить мужчину и женщину рядом и дать им одинаково твердую волю и настойчивость, то женский ум нередко опередит мужской, потому что у женщин острее инстинкты и тоньше внутренние стремления.

Что до внешности, то умная женщина вовсе не обязательно бывает старой и некрасивой. Иногда такое случается, но далеко не всегда. Она может быть молода и прекрасна, однако мужчины все равно предпочитают бегать за очередной буфетчицей или артисткой из мюзик-холла, ярко накрашенной и с тонкой талией, которой она обязана лишь мастерству корсетницы. Мужчины искренне полагают, что именно такие создания должны служить эталоном женской красоты. Скажи им, что великий художник – это молодая красивая женщина, и они рассмеются в лицо. Обмолвись, что автор величественной мраморной группы в римской галерее – женщина с восхитительной улыбкой и фигурой, достойной самой Психеи, они недоверчиво пожмут плечами и скажут: «Нет, нет, умные женщины всегда „теряют женственность“. Приведите мне лучше буфетчицу, продавщицу, танцовщицу, артистку или воздушную гимнастку – кого угодно, только не чистую, воспитанную и благородную даму, которая могла бы стать матерью моих сыновей».

Таков порядок вещей, и, если верить ученым-физиологам, он сулит мало хорошего Англии. Правы ли эти мудрецы и пророки грядущих бедствий или ошибаются в своих пред-

сказаниях, сказать трудно, но ясно одно: подлинное предназначение женщины еще не исполнилось. Она идет к нему, но слишком часто выбирает неверные пути и направляет силы не в ту сторону. Свое место рядом с мужчиной она обретет не в борьбе с ним и не в поддержке его деньгами, добытыми тяжелым трудом или доставшимися по наследству. Так не сделать своего спутника настоящим мужчиной. Нельзя женщине и перенимать его привычки или разделять любовь к развлечениям.

Сила ее заключается в другом – в том, чтобы развивать и бережно хранить все лучшее, что есть в женской природе: чувственность, изящество и красоту; в том, чтобы с усердием, но не забывая о скромности, заниматься умственным трудом; и в том, чтобы подавать безупречный пример мягкой сдержанности и чистоты. Если женщина станет такой, то вполне возможно, что ее будут «убивать» так же часто, как «убили» Делицию. Однако утверждение новой веры нередко требует жертвы от тысяч мучеников.

Когда мужчина наконец поймет, что женщина создана не для того, чтобы быть его игрушкой или служанкой, а чтобы стать ему товарищем – самым близким, лучшим и верным из всех, кого даровал ему Господь, – тогда все изменится. Брак будет благом, а не проклятием, и не останется Делиций, которых можно «убить», потому что исчезнут мужчины, утратившие честь и не гнушающиеся предавать поверивших в них женщин.

Мария Корелли
6 июля 1896 года.

Глава 1

С юга сквозь большое квадратное окно с решетчатым переплетом в кабинет Делиции вливался поток теплого весеннего солнца, рассыпая густое сияние и словно приветствуя хозяйку и все вокруг золотой улыбкой. Оно сверкало в желтых чашах нарциссов, гордо поднимавшихся из причудливой коричневой египетской вазы; затем пробегало по перламутровой мандолине на стене, будто извлекая из ее струн неслышимую мелодию, дрожащую тонким тремоло; после чего, водрузив светлый венец на волосы Делиции, устремляло острый луч к Антиною³, чьи приоткрытые мраморные губы изгибались в загадочной и чуть насмешливой улыбке, точно собираясь в любую минуту произнести язвительное замечание о женских нравах. Эту копию знаменитого бюста эпохи Адриана из Британского музея Делиция купила лишь потому, что усмотрела в ней сходство с мужем. Никто другой его не замечал, но для самой Делиции оно было очевидным и неоспоримым.

В ее душе образ супруга переплетался со множеством фантазий, изящных и страстных. Насчет же собственной персоны она не строила никаких иллюзий, считая себя простой труженицей, – той самой, над кем всячески насмехались газетные выскочки, нищие разумом и кошельком, с презрением величая ее графоманкой, не заслуживающей высокого звания писательницы. Однако, невзирая на язвительные слова и грубые шутки, Делиция была одной из самых знаменитых женщин своей эпохи, к тому же весьма состоятельной. Зримым тому доказательством был дом, в котором она жила: построенный по ее собственным эскизам, обставленный всеми возможными удобствами и наполненный ценными картинами, редкими статуями и прочими сокровищами. Хозяйство в доме было устроено безупречно: вышколенная прислуга, роскошный стол, за которым не раз предавались обжорству самые утонченные гурманы Лондона, – все держалось на ее неутомимом труде. Она сама всем заведовала и сама за все платила – от налогов до жалованья посудомойки, обходясь без чьей-либо помощи и в продаже собственных рукописей, и в ежедневных хлопотах, связанных с подачей ужина супругу. Делиция не ведала праздности и во всех своих литературных начинаниях неизменно одерживала верх над собратями по перу.

Как писательница она заметно отличалась от общей массы нынешних сочинителей. В ее крови жил дух Бессмертных – тот самый, что побуждал Шекспира, Шелли и Байрона глаголить истину вопреки всеобщей лжи. Ей были свойственны острое чувство ответственности и вера в подлинную ценность литературы, а вместе с ними – страстное желание пробуждать и возвышать своих читателей, приводить их к пониманию тех истин, которые она знала и инстинктивно ощущала как вечные и праведные. Публика откликалась на ее зов и настойчиво требовала новых книг, поэтому вполне естественно, что все честолюбивые и предприимчивые издатели сделались ее покорными просителями. Ей стали доступны и подвластны самые щедрые и блистательные условия, о которых другие авторы не смели мечтать в своих дерзких фантазиях о литературном Эльдорадо. Однако она не была ни тщеславна, ни корыстна. И, что удивительно, став «знаменитостью», оставалась все той же неиспорченной и по-женски изящной особой.

В тот самый миг, когда утреннее солнце, верное своей привычке, увенчало ее ярким нимбом, Делиция трудилась над завершением последней главы новой книги. Уже четыре месяца эта работа поглощала все ее силы. Писала она стремительно. Тонкая изящная белая рука, державшая перо, сжимала это опасное орудие мысли крепко и почти вызывающе. Так юный воин хватает легкое копье перед тем, как метнуть его во врага. Поза и та выдавала умственную мощь и телесное здоровье: в гибких плечах и спине не было и намека на «писательскую сутулость»,

³ Антиной – близкий друг римского императора Адриана, правившего в Риме в 117–138 годах. После его гибели Адриан велел создать множество скульптур с его изображением. Оригинал самого известного бюста хранится в Британском музее.

на задумчиво-оживленном челе не читалось ни следа изнеможения или «застоя мысли». Глаза блестели, щеки рдели румянцем. Она и не подозревала о своей поэтичной неповторимой красоте, совершенно не схожей ни с одним общепризнанным женским каноном. Едва ли Делиция сознавала, что глаза ее обладают редчайшим фиалковым цветом, который при определенном освещении делается почти черным, что кожа ее бела, как подснежник, а волосы, спадающие на плечи длинными сверкающими русо-золотыми прядями, служат предметом зависти для множества женщин, которые являются под лукаво-насмешливые взгляды публики с крашеными начесами и шиньонами на затылке.

Делиция в самом деле никогда об этом не задумывалась. Из модных журналов она уяснила, что всех без исключения писательниц принято считать пожилыми и некрасивыми, а порой и вовсе безобразными – сие предписывали негласные правила журналистской этики. Поэтому, прекрасно зная, что молода и вовсе не столь невзрачна, какой ей подобает быть по канонам литературного ремесла, она не стремилась самоутвердиться и не делала ни малейшей попытки выставлять свои достоинства напоказ, пусть даже этих достоинств у нее имелось гораздо больше, чем у общепризнанных красавиц. Почитатели ее таланта были настолько ослеплены жившим в ней гением, что видели лишь сияние духовного огня, окружавшего ее, словно дельфийское пламя жрицу Аполлона. Те очаровательные детали внешности, которыми обычная женщина непременно гордится, в ее случае попросту ускользали из виду. Compliments и лесть не доставляли ей радости, за исключением тех редких мгновений, когда она слышала их от мужа. Тогда ее кроткая душа загоралась тихим восторгом и благодарностью, и она с удивлением спрашивала себя, чем же заслужила похвалу от столь величественного и безупречного существа.

В том, как Делиция склоняла свой гордый ум и еще более гордый дух перед волей избранного супруга, было нечто поистине прекрасное и трогательное. Ради него, только ради него, она стремилась приумножить славу и блеск своего имени. Ради него овладевала тонким искусством безукоризненного наряда, с особой любовью выбирая мягкие светлые ткани, которые, ложась плавными складками, обнимали ее легкий стройный стан, превращая его в живое воплощение образов с полотен Греза или Ромни⁴. Ради него с терпеливым усердием сплетала богатое сокровище своих волос в замысловатые косы и локоны, укладывая их мягким венцом по моде древних эллинов и позволяя им то тут, то там спадать, как золотое предвестие поцелуя, крохотными колечками на виски, где просвечивали тонкие прожилки. Ради него вставляла маленькие ступни в прелестные башмачки тончайшей парижской работы; ради него скользила, как сильфида, и улыбалась, будто ангел; ради него с наступлением вечера исполняла богатым мягким контральто старые лирические песни о любви и домашнем очаге; ради него, в сущности, жила, дышала и трудилась. Она была пчелой, собирающей мед, а он красивым трутнем, этот мед поедающим, и мысль о том, что подобное устройство жизни противоречит естественному порядку вещей, ни разу не закралась в его сознание.

Разумеется, Делиция любила свое занятие, в этом не могло быть ни малейших сомнений. Она наслаждалась им от всей души. Ей доставляла радость острая борьба на литературной арене, где терзаемые завистью соперники тщетно стремились занять ее место. Она видела в своей славе средство, позволявшее приблизиться к кругу самых выдающихся умов эпохи. Мелочные козни и завистливые шпильки от злых и неудачливых людей ее забавляли. Со спокойным, почти античным самообладанием встречала она град колкостей, невежественных сплетен и жалких слухов, исходящих от менее одаренных особ ее круга. Судьба даровала ей успех, и, будучи женщиной разумной и рассудительной, она умела сполна им наслаждаться.

⁴ Жан-Батист Грез (1725–1805) – французский живописец, славившийся сентиментальными портретами девушек с томным выражением лица. Джордж Ромни (1734–1802) – английский портретист, мастер изображения женской грации. Оба были каноническими ориентирами «идеальной женственности» в викторианской эстетике.

Однако более успеха, более славы и тех благ, которые она приносит, более всего на свете Делиция любила своего супруга, что было не свойственно женщинам той беспокойной поры, когда новоявленные теоретики объявляли брак «пережитком прошлого» и находились «знатные особы», готовые предложить денежное вознаграждение любой паре за то, чтобы она сначала обвенчалась в церкви по святым канонам, а затем бросила грубое оскорбление в лицо религии, публично осудив «старомодный» обряд.

Делиция была замужем три года. Эти три года промелькнули, словно сверкающее райское видение, полное света, красок, гармонии и восторга. Одна только беда омрачала карнавал ее идеальной жизни – гибель ребенка. Судьба отмерила ее крохе всего два месяца, затем он поник в ее объятиях, как увядший цветок, убитый внезапными заморозками. Эта утрата еще больше привязала ее мечтательную и чувствительную натуру к мужу: вся яркая жизнь Делиции словно обвилась роскошной цветущей лозой вокруг него – сильного, красивого, смелого, властного, атлетически сложенного мужчины, принадлежавшего ей одной. Она достоверно знала – ибо сердце не могло ошибаться, – что ни одна другая женщина не делила с ней его ласки и что ни одно, даже самое мимолетное, непрощенное побуждение не поколебало верность мужа брачным узам.

Вот почему Делиция часто называла себя самой счастливой женщиной на свете. Она считала, что в ее жизни и без того много разнообразных благ и ей негоже о чем-либо просить в молитвах. «Как могу я, как смею просить у Господа что-либо еще, когда у меня и так все есть? – говорила она. – Лучше буду неизменно благодарить Его за радости, столь щедро Им дарованные и столь мало мною заслуженные».

И она продолжала с удвоенным рвением трудиться, стремясь к совершенству во всем и соединяя странный пыл с еще более странным смирением. Труд она никогда не считала тягостью и не завидовала другим представительницам своего пола, чья свобода от полезных занятий позволяла им растрачивать время на всякие милые душе развлечения – велосипедные прогулки, катание на коньках, танцы и прочие способы охоты на мужчин. Эти занятия стали особенно популярны среди миловидных представительниц женского рода, для которых единственной целью существования является вступление в брак, пусть даже за ним последует неимоверная скука.

Делиция была практичной и вместе с тем не лишенной идеализма натурой. При всех своих значительных доходах она ни пенни не спускала на безрассудные предприятия и глупые траты. Гостей принимала щедро, но без лишней напыщенности. Одежды выбирала старательно, но не впадала в безумную и порочную расточительность, которая немедленно поразила бы едва ли не каждую женщину ее круга, обладай та подобными средствами. Она проявляла внимание к нуждам бедных, но помогала им тайно, не стремясь из мелочного тщеславия афишировать свои благодеяния через «ярмарки» или лицемерные «увеселения» в Ист-Энде. Делиция остро чувствовала истину слов: «Кому много дано, с того много и взыщется» – и раздавала свои щедрые дары с присущей ей кротостью и смирением.

Лишь в одном она забывала о разумной мере – когда речь заходила о ее супруге. Для него не могло быть ничего слишком дорогого или чересчур роскошного; всякое его желание, даже высказанное вскользь, тотчас же с радостью исполнялось. Сам он не имел за душой ни гроша, который по праву мог бы считать своим, но благодаря неусыпной заботе жены его личный банковский счет неизменно мог похвастать хорошим балансом.

Уилфред де Трейси Гиффорд Карлион, если называть его полным именем, был гвардейским офицером, младшим сыном одного аристократа, прокутившего свое состояние и скончавшегося в полной нищете. Другого занятия помимо военной службы избранник Делиции не знал и, хотя происходил из хорошего древнего рода, был начисто лишен честолюбия, если не считать особенностей произношения его фамилии. «Кар-ли-он, – неизменно уточнял он,

деликатно выделяя второй слог, – не Кар-лай-он. Наш род очень стар, он уходит корнями в прошлое, и подобные имена, как это часто водится, произносятся совсем не так, как пишутся».

Без честолюбия человеческая натура нередко похожа на тяжелую телегу, застрявшую в колее, которую сама же и продавila, и для того, чтобы сдвинуть ее с места и снова привести в движение, требуется сильная лошадь. Делиция была как раз такой лошадью, вернее сказать, горячей кобылицей, мчащейся по широкой дороге к намеченной цели, не замечая тяжести громыхающей позади телеги. О, как негодовала бы наша героиня, услышав из уст какого-нибудь нечестивца столь непочтительную метафору в адрес своего безмерно любимого супруга! Однако именно таково было истинное положение дел, каким видело его большинство окружающих, и только эти двое не замечали несоразмерности своего союза. Она – по редкой и прекрасной слепоте любви, он – в силу обыкновенного мужского эгоизма.

Стоит отметить, что супруг Делиции все же обладал заметными достоинствами, способными очаровать и покорить любую женщину; в этом не приходилось сомневаться. Свойства «породы», доставшиеся ему от длинной череды предков, в числе которых были воины и государственные мужи, расцвели в нем в полной мере – правда, внешне, а не духовно. Он был прекрасно и гармонично сложен подобно Тесею или Геркулесу, имел красивое лицо и сладкозвучный голос с богатой палитрой убедительных, почти чарующих интонаций. Вооруженный этим арсеналом, Уилфред встретил Делицию в тот самый миг, когда ее маленькая ножка едва ступила на вершину Славы, и острые шипы и ледяные иглы венца, коим Искусство награждает своих избранных, еще не успели застрять в ее девичьих локонах. Общество считало ее холодной весталкой и держалось от нее на расстоянии, испытывая неясный страх, ведь ее божественные фиалковые глаза умели заглядывать под искусные маски светских лгунов и, подобно лучам Рентгена, вытаскивать на свет божий прячущегося под ними безобразного дьявола. Светское общество отказывалось признавать ее воздушную, почти эльфийскую красоту. Оно не видело в ней ничего особенного. Для него Делиция была «странной женщиной, с которой невозможно поладить», и за ее спиной постоянно звучали пустые банальные фразы вроде: «Ах, с такими людьми никогда не знаешь, чего от них ждать», «Кем она себя вообразила?» или «Где она взяла эти странные идеи?». Прихлебывая послеполуденный чай и жуя бутерброды с кресс-салатом, общество смаковало обрывки сплетен с тем особым наслаждением, какое известно и кумушке из высшего света, и прачке из Уайтчепела, ибо при всем различии сословий женская природа неизменна в своей любви к злословию и напраслине.

И все же наш brave гвардейский офицер, заброшенный по безрассудной прихоти покойного отца в столичный полк, обнаружил в Делиции несколько качеств, которые пришлись ему по душе: отчасти благодаря их редкости, отчасти потому, что он никогда не верил, будто женщина способна ими обладать. Первым из этих необычных свойств, которое он заметил и которому искренне удивился, было полное отсутствие тщеславия. За всю жизнь Карлион не встречал красивых женщин, столь мало придававших значение собственной внешности, и уж тем более ему не доводилось видеть по-настоящему знаменитую особу, носившую венец Славы с такой скромностью и непритязательностью.

Однажды ему выпала честь пожать руку чрезвычайно тучной румяной поэтессе, говорившей низким, почти мужским голосом, и та осведомилась, что он думает о ее последней книге, о существовании которой Карлион слышал впервые. В другой раз ему довелось отобедать в почтенном обществе некоего сочинителя «интимной беллетристики»⁵, мужчины крайне неопрятного и страдавшего несварением желудка. Тот на протяжении всей трапезы не устал восхвалять высокие достоинства и нравственную ценность своих сомнительных романов.

⁵ Ироничное выражение, которым в викторианскую эпоху обозначали прозу, затрагивающую «неприличные» темы: внебрачные связи, женскую сексуальность, кризис брака. Такие книги (например, «Женщина, которая осмелилась» Гранта Аллена, 1895 год, или «Ева в раю» Джорджа Мура, 1891 год), несмотря на морализаторский тон, вызывали скандалы.

Но Делиция – зависть всех карабкающихся на Парнас, живое воплощение невероятного торжества искусства и словесности – Делиция не говорила о себе вовсе. Она не принимала горделивых поз и болтала о всяких забавных пустяках, совсем как люди, гораздо менее одаренные и более легкомысленные, терпеливо выслушивала любого «светского идиота» и с тактичным очарованием умела разговорить его так, чтобы тот выставил напоказ все свои самые вопиющие черты. Но стоило кому-нибудь похвалить ее писательский талант или упомянуть о влиянии, которого Делиция достигла своими книгами, как она сразу переводила разговор на другую тему – без лишней резкости, но с мягкой твердостью, вызывавшей невольное уважение даже у самых легкомысленных и вульгарных собеседников.

Эта ее простая и непритязательная манера, столь редкая для знаменитых особ, которые в нынешние дни толкотни и суетности безо всяких колебаний позволяют себе то, что современный язык именует «напускной важностью», изумила галантного Красавчика Карлиона, как его порой называли сослуживцы. И если уж разбирать его чувства до конца, то следует признать, что при знакомстве с женщиной, чьи книги были предметом разговоров по всему Лондону, нашего героя охватило чистое восхищение, к которому примешивалась зависть при мысли о состоянии, ужежитом ею и продолжающем расти. Надо же, такое хрупкое создание – талию можно обхватить пальцами двух рук, а шейку свернуть проще, чем певчей птичке, с тяжелой копной золотых волос, – и вдруг обладательница имени и славы, гремящей по всем углам Британской империи и по ту сторону Атлантики, причем она еще и хозяйка несметных богатств, при мысли о которых у него, вечно не имеющего в кармане ни гроша, текли слюнки! Десять тысяч фунтов за последнюю книгу – притом выплаченные безо всяких споров и задолго до окончания работы! «Поистине превосходные качества», – размышлял Карлион, а затем погружался в еще более глубокую задумчивость, узнав из надежных источников, что одни лишь авторские отчисления с уже опубликованных книг приносят ей доход свыше пяти тысяч фунтов в год. Первую книгу Делиция выпустила, когда ей было всего семнадцать, хоть и приписала себе несколько лишних лет, чтобы привлечь внимание издателей; с тех пор она неуклонно поднималась все выше по ступеням успеха. Нынче же ей исполнилось двадцать семь, и она успела превзойти всех своих современников-мужчин. Несомненно, за десять лет триумфа у нее накопилось немалое состояние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.